

Кондаков Никодим Павлович

**Византийские церкви и
памятники Константинополя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Никодим Павлович К.**
Византийские церкви и памятники Константинополя / Кондаков Никодим Павлович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 244 с.

ISBN 978-5-519-90057-7

ISBN 978-5-519-90057-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

штукатурки и пр., и многолѣтніе розыски. Но, можетъ быть, не лишнее будетъ теперь уже заявить, что, и при современномъ положеніи завоеваннаго города, изслѣдованіе его памятниковъ можетъ на многія соображенія общенсторическаго характера и дать въ руки нить для изысканій собственно археологическихъ и не въ одной Византіи.

И здѣсь, какъ почти вездѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, одного счастливаго въ этомъ отношеніи Рима, собственно археологія, т. е. полная наука древности, и наука исторіи искусства идутъ доселѣ врозь. Первая, по почину Жилля и знаменитаго Дюканжа и его продолжателей: Гаммера, патріарха Константія, Лабарта, Унгера, Паспати, основывается, почти исключительно на сохранившихся текстахъ, мало занимается самыми памятниками и свою конечную цѣль видитъ главнѣйше въ освѣщеніи виѣшней, историко-политической, чисто анекдотической стороны дѣла: всѣ эти изслѣдованія, видимо, смотрятъ на свою задачу, какъ на задачу второстепеннаго, служебнаго достоинства, и не въ состояніи дать своимъ матеріаламъ самостоятельной, изъ нихъ самихъ добытой, системы. Сводъ текстовъ лишь критики, полонъ противорѣчій. Обзоръ памятниковъ представляетъ алфавитный каталогъ, или случайно распредѣленный сборъ и лишень руководящей мысли; въ немъ смѣшиваются самыя разнообразныя эпохи. Вторая наука, исторія искусства, ясно опредѣливъ свою цѣль — науки общаго движенія художественной формы въ трехъ искусствахъ, и отвлекши для того немногія, казавшіяся ей лучшимъ матеріалъ, полагала возможнымъ, въ лицѣ Даженкура, Куглера, Шнаазе, Зальценберга, Тэкесе и др., установить, такимъ образомъ, исторію началъ византійскаго искусства на его родинѣ. Но изданіе, хотя-бы точнѣйшее, плановъ и разрѣзовъ Св. Софіи, церкви Сергія и Вакха, Ирины — для древняго періода, и церквей Пантократора, Паммакаристы и пр. — для позднѣйшаго, не даетъ еще и приблизительно такого результата. Этимъ произвольнымъ выборомъ объясняется, почему напр. замѣчательная церковь Кахріе-джами оставалась до послѣдняго времени неизвѣстною, а когда стала извѣстна, то ея мозаики были сочтены за произведеніе будто-бы подражательнаго итальянскаго характера. Этимъ путемъ исторія искусства, въ концѣ концовъ, сама лишаетъ себя важнѣйшаго матеріала, и если не хочетъ оставаться безплодною, должна и въ этомъ отдѣлѣ (какъ и въ другихъ) идти далѣе методомъ археологическимъ.

Первое основаніе науки христіанской археологін на западѣ было положено, какъ извѣстно, розысканіями Бозіо на почвѣ христіанскаго Рима; обширная на-

читанность въ рукописныхъ матеріалахъ римскихъ библіотекъ получила впервые живое примѣненіе въ поискахъ Колумба римскихъ катакомбъ. Дѣло его продолжали антиквары Чіампини, Боттари, Ассемани, историки Муратори, палеографы Монфокопъ и Мабильонъ и др. Но накопленный богатый матеріалъ оставался отрывочнымъ, былъ лишенъ самостоятельнаго значенія и связи, до того времени, какъ Даженкуръ собралъ его воедино, подчинивъ искусственной исторической системѣ. Въ своемъ обширномъ обзорѣ движенія художественной формы съ 1-го столѣтія христіанской эры по XVI-й вѣкъ включительно, этотъ талантливый послѣдователь Винкельмана построилъ всю исторію христіанскаго искусства между двумя основными эпохами: античною и Возрожденія — т. е. возвращенія искусства къ антику. Собранный Даженкуромъ матеріалъ (въ его атласѣ) остается и доселѣ единственнымъ по своему обилію, но руководящая этимъ собраніемъ система рано утратила всякое значеніе, какъ подражательная и чуждая самому матеріалу. Истинное основаніе науки дано было, такимъ образомъ, не работами антикваровъ XVII—XVIII в., какъ ни обильны онѣ всякаго рода данными, но и не ученою дѣятельностью Германіи, движимою романтическимъ увлеченіемъ къ ея средневѣковой старинѣ, какъ ни велика и плодотворна была и есть эта задача сама по себѣ и какъ-бы глубоко жизненны ни были народные идеалы, руководившіе наукою. Отсутствие научной связи, разрывъ съ общою разработкою предмета, удаленіе изъ этой общей научной среды въ сферу мѣстныхъ интересовъ были причиною того, что наиболѣе богатая памятниками Италія оставалась долгое время наиболѣе чуждою дѣлу создававшейся науки.

Научное основаніе предмета христіанской археологіи было положено новыми изслѣдованіями на той-же почвѣ христіанскаго Рима и, главнымъ образомъ, въ той-же наукѣ римскихъ катакомбъ. Не одни остроумныя сопоставленія и не одно счастливое открытіе древнѣйшихъ памятниковъ христіанства поставили на такую всѣмъ видную высоту новый предметъ, нынѣ главенствующій въ западной наукѣ христіанской археологіи. Широкій научный методъ, хотя вызванный или даже, вѣрнѣе, созданный самимъ предметомъ и обстоятельствами его изученія, но соединившій въ себѣ филологическую критику и художественно-историческій анализъ памятника, или совмѣщеніе археологіи и исторіи искусства, могутъ быть выставлены нынѣ руководящимъ принципомъ въ общей наукѣ древностей. Памятникъ христіанской древности, извлеченный изъ римскихъ катакомбъ, понятенъ только тому, кто изслѣдуетъ равно его художественную форму и религіозное содержаніе. Но этотъ памятникъ представляетъ со-

бою и тотъ оригиналь, основной источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпаема историческая жизнь памятниковъ средневѣковой древности. Разработка этой связи всего средневѣковья съ древнимъ христіанствомъ, идущая наряду съ изслѣдованіями мѣстной и народной старины, ихъ совмѣстная дѣятельность и взаимное проникновеніе выводами одной и матеріалами другой стороны, таковы основныя условія слагающейся науки.

Русская археологическая наука также, какъ и западная, почерпаетъ свой методъ и руководящіе принципы въ древнехристіанскомъ отдѣлѣ, но по своимъ собственнымъ ей присущимъ задачамъ, становится въ тоже отношеніе и къ археологін византійской. И если самая западная наука давно пришла къ убѣжденію въ необходимости самостоятельныхъ работъ въ этой области, имѣющей столь частыя соприкосновенія съ средневѣковымъ западомъ, то тѣмъ болѣе русская археологія имѣетъ своею задачею построить научный фундаментъ своего предмета на изслѣдованіяхъ Византіи. Пусть въ конечномъ результатѣ работъ по византійской археологін будетъ лежать цѣль познанія русской старины, общая историческая постановка всего предмета, отъ его начала до послѣдняго момента, составляетъ единственное условіе научности изслѣдованій. Не говоря уже о томъ, что византійская археологія въ своемъ современномъ состояніи вовсе не представляетъ собою такого источника, изъ котораго можно было-бы почерпнуть готовый матеріалъ, отношеніе наукъ основывается на совмѣстной разработкѣ, которая и обусловливаетъ дѣйствительное пользованіе выводами одной для работъ въ другой области. Такимъ образомъ, и плодотворность самыхъ розысканій въ археологін византійской прямымъ путемъ зависитъ также отъ потребностей и вопросовъ, выработанныхъ изученіемъ русскихъ древностей.

Иначе говоря, мы считаемъ возможнымъ думать, что наука древностей и искусства православнаго Востока обязательна для русской археологической науки не только какъ среда, наиболѣе ей близкая, родственная и потому понятная, но и какъ исторически унаслѣдованная, и потому представляющая въ данное время единственный видимый путь къ утвержденію въ русской археологін научнаго сравнительнаго метода. А такъ какъ сравнительный историческій методъ по существу состоитъ не въ указаніи лишь бросающагося въ глаза сходства, но въ анализѣ особенностей, варіантовъ, или просто различія, и въ опредѣленіи тѣхъ причинъ, которыми эти особенности вызывались въ каждомъ данномъ случаѣ, то ясно, какое обиліе непосредственныхъ и точныхъ выводовъ получится для самаго предмета русской археологін. Нѣтъ надобности прибавлять, что такая

ея постановка не ограничивается лишь пѣкоторыми только отдѣлами, напр. иконографіею, но должна распространяться и на другія области ея, до тѣхъ поръ, пока не будутъ наукою изысканы и опредѣлены сферы болѣе близкія и родственныя, чѣмъ самая византійская древность. Византійское искусство и выработанная имъ художественная форма имѣли въ теченіе тысячелѣтія такое-же общегодное значеніе, хотя инаго достоинства, какъ и классическое, и подобно ему совместила въ себѣ столько разнообразныхъ, подъ его покровомъ развившихся элементовъ, что могутъ считаться типомъ для извѣстнаго времени. Рядомъ съ нимъ могло существовать крайнее разнообразіе народныхъ формаций въ искусствѣ и бытѣ какъ варварскихъ племенъ средневѣковой Европы, такъ и сложившихся уже государствъ, но единственною связью, слѣдовательно, научнымъ основаніемъ исторіи всего этого движенія остается пока искусство Византіи. Такимъ представляется, по нашему мнѣнію, весь періодъ исторіи европейскаго искусства съ V-го вѣка по конецъ XII-го столѣтія, точнѣе по 1204 годъ —или эпоху латинскаго завоеванія Византійской Имперіи, о чемъ мы позволимъ себѣ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе этого предисловія, автору предлагаемой записки представляется излишнимъ подробно мотивировать всѣ ея задачи, и оговаривать тѣ недостатки, которыми она должна изобиловать въ ихъ исполненіи. Если въ результатѣ этой записки получится лишь прямое указаніе на то, какъ много остается еще сдѣлать по данному предмету и что можетъ послужить предметомъ научнаго изслѣдованія, основная цѣль записки будетъ выполнена.

Г Л А В А I.

Исторія Константинопольскихъ церквей.

Ἡ πόλις, πόλις, πόλεων πασῶν κεφαλὴ,
κέντρον τῶν τεσσάρων τοῦ κόσμου μερῶν!
Ἡ πόλις, Χριστιανῶν καύχημα καὶ βαρβάρων
ἀφανισμὸς... ποῦ σου τὸ κάλλος, παρὰ-
δεῖσε;... ποῦ τὰ τῶν ἀποστόλων τοῦ κυρίου
μου σώματα... Ἡ νάε, ὦ οὐράνιον θυσια-
στήριον, ὦ θεῖα καὶ ἱερὰ τεμένη, ὦ κάλ-
λος ἐκκλησιῶν, ὦ βέβλοι ἱεραί....

Михаилъ Дука, «Виз. ист.» гл. 41.

Если мы имѣемъ сравнительно точныя и подробныя свѣдѣнія о дворцахъ, стѣнахъ, укрѣпленіяхъ, портикахъ и общественныхъ зданіяхъ Византійской столицы, то данныя наши о церквяхъ ея столько-же скудны, сколько неточны и разрознены. Еще далеко то время, когда станетъ возможнымъ поставить исторію константинопольскихъ церквей и монастырей на научную ногу, когда мы будемъ обладать достаточными матеріалами для ея построенія вѣшняго и внутренняго, т. е. когда исторія церквей станетъ для насъ исторіею религіозной жизни столицы и ея искусства. «Новое (византійское) искусство, говоритъ Унгеръ *) о постройкахъ Константина въ избранной имъ столицѣ, было христіанское, и переходъ императора въ христіанство имѣлъ величайшее значеніе для его развитія. Однако, это не было созданіемъ христіанскаго искусства, такъ такъ не только катакомбы Рима и Неаполя свидѣтельствуютъ о его болѣе глубокой древности, но и на самомъ Востокѣ мы встрѣчаемъ болѣе ранніе слѣды его развитія». Весьма вѣроятно, даже необходимо, скажемъ мы, что христіанское искусство существовало на Востокѣ уже до Константина, и что эдиктъ этого императора, предоставлявшій базилики, т. е. рыночныя и судебныя залы христіанскимъ общинамъ, былъ только натуральнымъ узаконеніемъ совершившагося факта. Но какія-же мы имѣемъ данныя для осмысленія этого факта? Удовлетвориться общими указаніями историковъ и церковныхъ писателей на существо-

*) *Christlich-griechische oder byzantinische Kunst*, въ Allgem. Encykl. v. Ersch u. Gruber, I, 84 Th., p. 301.

ваніе церквей на Востокъ во времена Діоклеціана и пр. можно было-бы лишь въ томъ случаѣ, если-бы наука исторіи искусства могла оставаться по прежнему въ сферѣ полного индифферентизма къ христіанскому Востоку. Но такое отношеніе не можетъ имѣть мѣста,—разъ ей, этой наукѣ, представилось необходимымъ рѣшать вопросы о началахъ византійскаго искусства, предѣлахъ его распространенія, объ отношеніяхъ латинскаго запада и его памятниковъ къ Востоку, о древностяхъ Равенны и т. д. Пока эти общія указанія не освѣщаются положительными фактами, всегда возможны будутъ отступленія и прямо тенденціозныя отъ принятаго пути. Только возможная полнота изслѣдованія спасаетъ отъ подобныхъ шатаній. Такъ, если сумма данныхъ и древнѣйшихъ памятникахъ христіанской храмовой архитектуры на Востокъ намъ докажетъ, что она 1° развилась уже до Константина и 2° сложилась самобытно и оригинально, то нельзя уже будетъ утверждать, что византійская архитектура создана Юстиніаномъ и что памятники Равенны до середины VI-го столѣтія не имѣютъ ничего общаго съ Византією и относятся «къ искусству Готтовъ», или «стилю, выработанному въ Римѣ, хотя и не различавшему готско-аріанскія отъ католическихъ церквей». Правда, что храмовая архитектура Востока, какъ заключаетъ тотъ-же Унгеръ (ibid. стр. 334), получила свое начало не въ Константинополѣ, но въ тѣхъ, хотя немногочисленныхъ, но за то оригинальныхъ храмахъ Антиохіи, Никомидіи, Эдессы и Іерусалима, которыя послужили образцомъ для церквей столицы *). Но столь-же крупный фактъ представляетъ намъ и оригинальный характеръ храмовъ самой Византійской столицы уже въ IV столѣтіи. Переходя, поэтому, къ взгляду на вопросъ новѣйшаго изслѣдователя византійской архитектуры Шуази **), мы передадимъ вкратцѣ его соображенія о началахъ ея методовъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, главнымъ онъ считаетъ конструкцію свода безъ помощи кружала (*sans cintre*). «Византійская архитектура, говоритъ онъ, есть явленіе сложное: ея азіатская черта выражалась въ основномъ методѣ; римское вліяніе оказалось въ выборѣ матеріала, искусныхъ планахъ; а дѣло греческаго генія состояло въ тонкомъ сліяніи этихъ двухъ элементовъ». Мѣсто рожденія этого сложнаго стиля авторъ предполагаетъ въ Эфесѣ и вообще въ Іоніи, гдѣ (въ Эфесѣ церкви Тронцы и 7 спящихъ, одну въ Магнезін, одну въ Филадельфін, ц. Георга въ Сардахъ) онъ находитъ и подкрѣпляющіе его мнѣніе образцы. Авторъ полагаетъ, что самая Палестина участвовала гораздо менѣе въ формировкѣ византійскаго стиля, такъ какъ онъ требовалъ необходимо и соответствующаго матеріала въ видѣ кирпича, а Палестина издревле строила изъ камня. Но въ томъ-же смыслѣ и берега Іоніи не могли играть первой роли въ данномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что приводимые авторомъ памятники, явно, позднѣй-

*) См. *Texier and Pullan, Byzantine architecture*, 1869, p. 49 sq.

**) *L'Art de bâtir chez les Byzantins*, Paris, 1882, p. 157—167.

шаго происхожденія, а имена архитекторовъ Анеима изъ Траллеса и Исихора Милетскаго, хотя говорятъ много въ пользу высокаго развитія архитектуры Юніи, но не указываютъ еще на то, чтобы въ данной мѣстности слагался данный стиль, какъ храмъ Св. Петра, построенный Микель-Анжело, стоитъ далеко отъ флорентинскаго ренессанса. Не уместнѣ-ли будетъ искать дѣйствительныхъ источниковъ византійскаго стиля гораздо далѣе, тамъ, гдѣ имѣется множество однородныхъ по техникѣ памятниковъ и гдѣ наблюдается тоже напряженное движеніе къ выработкѣ купола на парусахъ,—въ Бактріи, на что указывалось уже давно? Очевидно, выполненіе византійской постройки въ камнѣ должно было слѣдовать за кирпичною, а не предшествовать ей. Но тотъ-же изслѣдователь замѣчаетъ, что самая спѣшность построекъ въ новой столицѣ при Константинѣ должна была вести къ выработкѣ новаго стиля, измѣнившаго обычныя римлянамъ солидность и вмѣстѣ массивность сводовъ и что, во вторыхъ VI-е столѣтіе представляетъ уже сполна законченное развитіе основнаго метода. Къ этому взгляду Шуази можно присоедииниться, не рискуя впасть въ тенденцію западныхъ историковъ, заканчивающихъ и всю исторію византійскаго искусства эпохою Юстиніана, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о развитіи самой архитектуры, а ея метода. И основы дорическаго ордена были выработаны окончательно въ періодъ Пропілеевъ и Парѳенона, и тѣмъ не менѣе, и послѣ эпохи Фидія грекоримская архитектура произвела многое. Мы не раздѣляемъ, поэтому, дальнѣйшихъ выводовъ автора (стр. 164), что послѣ Юстиніана искусство истощило свои силы и погрузилось быстро въ формализмъ. Обычная риторика и недостатокъ вниманія къ позднѣйшимъ памятникамъ — черты общія не однимъ западнымъ историкамъ Византіи. Совершенно напрасно было-бы искать строго-историческаго взгляда въ тѣхъ общихъ наблюденіяхъ автора, которыя онъ сообщаетъ о византійской храмовой архитектурѣ: онъ подраздѣляетъ ее на нѣсколько школъ или мѣстныхъ типовъ: аттическій, аѳонскій, сирійскій и константинопольскій — онъ-же малоазійскій. Авторъ находитъ въ этихъ локальных школахъ разные приемы, отличаетъ разницу въ стилѣ, пропорціяхъ и т. д. Все это, дѣйствительно, существуетъ и все это разнообразіе, вѣроятно, происходитъ отъ мѣстныхъ особенностей, но въ то-же время укладывается въ рамки исторіи, составляетъ исторію прогрессивнаго развитія искусства. И если-бы авторъ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ хронологіи памятниковъ, то онъ, во первыхъ, не надѣлалъ-бы непростительныхъ промаховъ, сопоставляя памятники различныхъ эпохъ *), а, во вторыхъ, замѣтилъ-бы присущее искусству движеніе, даже ограничившись открытымъ имъ методомъ и не касаясь орнаментики и вообще деталей храмовой архитектуры.

*) Авторъ сравниваетъ между собою, какъ современные, храмы Сиріи и Греціи, Аѳинъ и Аѳона и пр. Справившись напр. даже у *Couchaud*, *Choix d'églises byzantines en Grèce*, 1842, онъ зналъ-бы, что древній соборъ Аѳинъ ранѣе всѣхъ церквей Аѳона на нѣсколько вѣковъ.

Съ этой точки зрѣнія и памятники Константинополя составляютъ не одну лишь мѣстную школу, но и извѣстную эпоху въ развитіи новогреческой архитектуры. Въ самый ранній періодъ, при Константинѣ зодчіе столицы должны были примѣнить стиль, выработавшійся на христіанскомъ Востокѣ, и именно въ Палестинѣ, и мы можемъ подтвердить это примѣромъ двухъ церквей, построенныхъ по образцу *храма Гроба Господня* въ Іерусалимѣ. Образцы колоссальныхъ базиликъ съ широкими коробовыми сводами могли быть взяты изъ Малой Азіи, а также и Сиріи. За отсутствіемъ памятниковъ въ другихъ мѣстностяхъ (за немногими исключеніями), архитектура этого періода и до Юстиніана должна тамъ-же и изучаться. Напротивъ того, все движеніе храмовой архитектуры въ VI—VII столѣтіяхъ принадлежитъ Константинополю и Солуни. Именно этою прогрессивною связью христіанской храмовой архитектуры объясняется намъ и роль второстепенныхъ или подчиненныхъ мѣстностей: древнія базилики Херсонеса (V—X стол.) имѣли своими образцами постройки Малой Азіи; архитектура христіанской Грузіи въ древнѣйшую эпоху должна была вести свое начало оттуда-же, тогда какъ въ эпоху процвѣтанія грузинскаго царства (X—XIV вв.) пользовалась образцами Трапезунда, а храмы послѣдняго во время Трапезонтской Имперіи строились по оригиналамъ Солуни. Храмы Аѳонѣ ближе къ солунской архитектурѣ, чѣмъ къ константинопольской, и также изъ Солуни вышли строители древнѣйшихъ аѳонскихъ монастырей и пр. и пр.

Церковная архитектура Константинополя была въ теченіи тысячелѣтія основнымъ образцомъ не только для странъ Востока и православныхъ вообще, но и для Запада. Извѣстный Зальценбергъ въ предисловіи къ своему сочиненію «о памятникахъ К—поля» выражается такъ: «перестройка его Константиномъ послужила основаніемъ созданію христіанскаго искусства на Востокѣ». И никакъ не въ одной Равеннѣ приходится искать первыхъ оригиналовъ византійской архитектуры, разъ, что въ самой Византіи уцѣлѣло, кромѣ св. Софіи, ей современныя церкви: Сергія и Вакха, Прины, и одна изъ древнѣйшихъ базиликъ V стол. Имброхоръ джами—предполагаемый Студійскій монастырь. Весьма важно, поэтому, изслѣдовать, не осталось-ли еще что-либо отъ лучшаго времени Византіи, и принадлежать-ли церкви Вефа джами (Федора Тирона?) и монастырь Валента къ этой древнѣйшей эпохѣ. Но, затѣмъ, мы имѣемъ—и со временемъ число это должно возрасти—цѣлый рядъ церквей отъ эпохи вторичнаго процвѣтанія искусствъ въ Византіи со временъ Македонской династіи и въ особенности отъ эпохи Комненовъ. Ихъ интересъ не въ одной памяти объ историческихъ событіяхъ, съ ними связанныхъ, императорахъ и патриціяхъ, ихъ построившихъ, въ нихъ жившихъ и погребенныхъ. Еще болѣе, это памятники важнѣйшаго движенія церковнаго и бытоваго въ древней Византіи, и именно они послужили образцами для церквей Кіева, Новгорода и Владиміра.

Церквей въ Константинополѣ было также много, какъ въ Римѣ: Веніаминъ

Тудела насчитывалъ, по словамъ другихъ, столько-же, какъ дней въ году; Альберикъ въ 1202 году полагалъ, что ихъ было до 500. Дюканжъ пересчитываетъ въ своемъ каталогѣ 212 церквей и 158 монастырей, очевидно, какъ городскихъ такъ и подгороднихъ, и на большомъ разстояніи отъ города. Паспати изъ актовъ патріархата прибавляетъ еще 5 церквей и 17 монастырей. Но какъ многія изъ этихъ церквей и монастырей или мѣняли имена своихъ патроновъ или зачастую имѣли ихъ по нѣскольку, и потому въ актахъ и хроникахъ эти имена умножаютъ число противъ дѣйствительности, то не будетъ большою ошибкою положить число всѣхъ и за все время существованія Византіи въ 350. И то между ними было много мелкихъ часовенъ и пр., какъ и нынче въ мусульманскомъ Стамбулѣ *). Большинство частныхъ моленъ, однако-же, хотя и переходили съ теченіемъ времени въ публичное достояніе, даже дѣлались иногда монастырями, упорно удерживало имя основателей, строителей и потому могутъ быть угадываемы. Весьма возможно, поэтому, что имена эти могутъ руководить насъ при отдѣлѣ большихъ общественныхъ церквей отъ домовыхъ. Что обычай имѣть домовыя церкви у константинопольскихъ вельможъ и патриціевъ долженъ былъ рано начаться, доказательство представляютъ дворцовыя церкви: отъ Императоровъ обычай переходилъ къ придворнымъ. Мы не встрѣчаемъ, однако, нигдѣ указаній на церкви въ домахъ людей средняго класса, а только исключительно высшаго.

Тотъ-же Паспати совершенно вѣрно указываетъ, что большинство этихъ церквей не существовало одновременно, нныя построены лишь тогда, когда другія уже разрушились. Частые пожары и нѣсколько землетрясеній мѣняли византійскую столицу не разъ. Разрушенію особенно способствовало то, что купольныя церкви зачастую имѣли деревянные купола, а базилики — деревянную крышу. Прибавимъ, что и пожары бывали столь сильны, что извѣстны случаи, когда растопленный свинецъ текъ рѣкою въ море, какъ напр. разсказывается о соженіи монастыря при Кон. Копронимѣ. Далѣе, въ послѣднія времена Византіи число церквей значительно уменьшилось, и то варварское, хотя вынужденное употребленіе древнихъ построекъ на кладку стѣнъ, о которомъ свидѣлствуютъ намъ многія части приморскихъ стѣнъ, поправлявшихся наскорю при Константинѣ Дракозѣ, постигало не одни портики и дворцы.

Если до Константина и были, что весьма вѣроятно, христіанскіе храмы въ Константинополѣ, то его радикальная перестройка затерла самую память о нихъ. По свидѣтельству хронографовъ и Никифора Каллиста (кн. VIII, гл. 6), однимъ изъ древнѣйшихъ храмовъ былъ будто-бы храмъ св. Евфиміи въ Петріонѣ, построеніе котораго приписывалось какому-то епископу Кастину. Быть можетъ,

*) *Хуссейнъ*, авторъ описанія мусульманскаго Стамбула, по Паспати, насчитываетъ въ немъ 481 мечеть, выстъ съ молеельными (*меджид*), монастырями (*такіе*) и пр.

это было лишь зданіе, избранное для собранія вѣрующихъ, въ томъ родѣ, что много указываютъ въ Римѣ. Въ древней языческой Византіи должно было проживать много христіанъ во II и III вѣкахъ, но самое отсутствіе всякаго рода легенды показываетъ, что христіанство было развито здѣсь гораздо слабѣе, чѣмъ напр. въ сосѣдней Никомидіи. Русскій паломникъ архіеп. Антоній *) говоритъ о церкви, имѣ видѣнной въ Перѣ—др. Аргирополѣ: «и есть церковь, а въ ней 7 апостоловъ лежатъ, Урванова чадъ; а та церковь прежде и Царяграда поставлена». Другое преданіе относило основаніе этой церкви къ Апостолу Андрею и Стахію епископу Византіи въ 36 году по Р. Х. Съ другой стороны было-бы явнымъ заблужденіемъ думать вмѣстѣ съ старинными историками, что новая столица Востока могла по праву гордиться тѣмъ преимуществомъ, что она никогда не была осквернена поклоненіемъ идоламъ **). Византія имѣла много языческихъ храмовъ, и наиболѣе замѣчательные изъ нихъ были превращены въ христіанскія церкви. Истребленіе корней язычества было здѣсь рѣшительнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Имперіи, хотя почва къ воспріятію христіанскаго ученія приготовлена также слабѣе, чѣмъ гдѣ либо въ центрахъ Имперіи, и потому, быть можетъ, первымъ епископамъ, до I. Златоуста включительно, и приходилось выдерживать здѣсь наиболѣе борьбы противъ вкоренившихся обрядовъ. Извѣстно, наконецъ, что и епископы церкви Константинопольской въ раннее время почти всѣ происходили изъ другихъ областей Востока; изощренные въ борьбѣ духовнымъ, а также и свѣтскимъ оружіемъ съ силами сектантовъ на крайнемъ Востокѣ, они находили здѣсь иную среду, иную борьбу, утомлявшую ихъ еще болѣе. Среди многочисленнаго и сборнаго двора императоровъ, подъ прикрытіемъ иногда верховныхъ особъ, уживалось язычество, болѣе упорное, чѣмъ философскія школы, закрываемыя правительствомъ въ Аѳинахъ и Іоніи. Въ то же время народъ принималъ къ сердцу новое ученіе и съ рвеніемъ прозелитовъ наполнялъ церкви во время проповѣдей и защищалъ своихъ учителей вѣры, стремясь слить съ ними свои интересы и раздѣлить ихъ судьбы. Понятно, однакоже, что въ правительственномъ центрѣ, гдѣ все было создано вновь ради утвержденія императорской власти на почвѣ ея главенства въ восточной православной церкви, и само христіанство явилось съ строго православнымъ характеромъ. Отсюда особенно любопытно извѣстіе, что секта Новаціанъ, отвергавшихъ покаяніе, противъ которыхъ сначала направлена была вся строгость Константиновыхъ эдиктовъ, имѣла потомъ, съ разрѣшенія самаго императора въ Константинополѣ, свою церковь во имя св. Анастасіи. Но въ то же время покровительство, оказанное Констанціемъ аріанству, имѣло, не смотря на противодѣйствіе величайшаго изъ церковныхъ учителей и константинопольскихъ патріарховъ Григорія Назіанзена, послѣдствіемъ, что всѣ церкви, кромѣ одной, принадлежали аріанамъ,

*) Савванитова, П. *Путешествіе Нов. арх. Антонія съ Царяграда*. Спб. 1872. стр. 162.

**) Гиббонъ, *Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи*, 1883, II, р. 387.